

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 4. С. 102–118.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 4. P. 102–118.

Научная статья / Original article

УДК 1:008(091); 930

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-102-118

СТАНОВЛЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛА. ДНЕВНИК В. И. ЛАМАНСКОГО НАЧАЛА 1850-х ГОДОВ

Алексей Валерьевич Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия;

Социологический институт РАН — филиал
Федерального Научно-исследовательского
социологического центра РАН,

Санкт-Петербург, Россия, a.v.malinov@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-1252-9193>

 Аннотация. Рассматривается формирование славянофильского мировоззрения Владимира Ивановича Ламанского, которое пришлось на годы его обучения в Санкт-Петербургском университете (1850–1854), фактически совпавшего с Крымской войной. На основе дневников Ламанского той поры и его более поздних публикаций воспроизводятся его оценки последних лет николаевского царствования, личности императора, гонений и запретов. Дневниковые записи хорошо показывают различие в истоках мировоззрения «ранних» и «поздних» славянофилов. Если московское славянофильство во многом возникло на волне патриотического подъема в русском обществе и чувства национальной гордости, вызванных победой России в войне с Наполеоном, то исходной точкой взглядов поздних славянофилов стал антагонизм Европы и России, спровоцированный антирусским единством Европы и поражением в

Крымской войне. Отмечаются и другие истоки мировоззрения поздних славянофилов, в том числе Ламанского.

Ключевые слова: славянофильство, Ламанский, Крымская война, национальное самосознание, формирование взглядов

Ссылка для цитирования: Малинов А. В. Становление славянофила. Дневник В. И. Ламанского начала 1850-х годов // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 4. С. 102–118. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-102-118.

Literature. Philosophy. Religion

FORMATION OF A SLAVOPHILE.

V. I. LAMANSKY'S DIARY OF THE EARLY 1850s

Alexey V. Malinov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia;
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences —
Branch of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia, a.v.malinov@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-1252-9193>

Abstract. The article deals with the formation of Vladimir Ivanovich Lamansky's Slavophile worldview, which took place during the years of his studies at St. Petersburg University (1850–1854), which actually coincided with the Crimean War. Lamansky's diaries from that period and his later publications are used to reproduce his assessments of the last years of the Nicholas reign, the personality of the emperor, persecutions and prohibitions. The diary entries show well the difference in the origins of the worldviews of the “early” and “late Slavophiles”. While Moscow Slavophilism largely emerged on the wave of patriotic upsurge in Russian society and the sense of national pride caused by Russia's victory in the war with Napoleon, the starting point of the views of the late Slavophiles was the antagonism of Europe and Russia, provoked by the anti-Russian unity of Europe and the defeat in the Crimean War. Other origins of the worldview of the late Slavophiles, including Lamansky, are also noted.

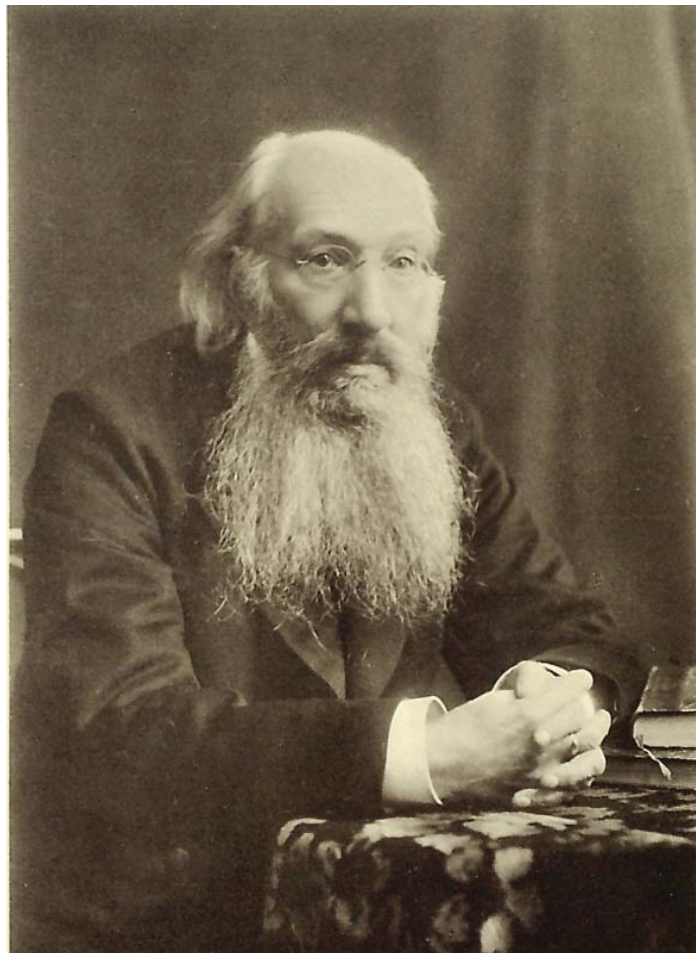
Keywords: Slavophilism, Lamansky, Crimean War, national self-consciousness, formation of views

For citation: Malinov, A. V. (2024) "Formation of a Slavophile. V. I. Lamansky's Diary of the Early 1850s", *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(4), pp. 102–118. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-102-118.

Крупнейший отечественный славист второй половины XIX века Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) по собственному признанию был последователем славянофилов. Он принадлежал уже к следующему за представителями «московского кружка» поколению национальных мыслителей. Жизнь Ламанского протекала в Петербурге, где он родился, учился и преподавал в Санкт-Петербургском университете, Санкт-Петербургской духовной академии и Николаевской академии Генерального штаба. Еще при жизни Ламанского считали главой «исторической школы» в отечественной славистике [Волкова, 2022]. Его отношения с родоначальниками славянофильства были скорее фрагментарными. Лишь однажды он встречался с А. С. Хомяковым, несколько раз — с К. С. Аксаковым и Ю. Ф. Самариним. С братьями Киреевскими ему не суждено было познакомиться. Многолетние приятельские отношения связывали его только с И. С. Аксаковым, в изданиях которого он был частым автором. Славянофильское мировоззрение Ламанского формировалось в большей степени самостоятельно под влиянием редкой славянофильской литературы и, в большей степени, вследствие занятий славянской филологией и историей, которые стали предметом его профессионального изучения.

Становление взглядов Ламанского пришлось на период его обучения в Петербургском университете (1850–1854), то есть фактически на последние годы царствования Николая I. Наиболее сильным толчком к рефлексии и самоопределению молодого человека послужили события Крымской войны. Дневниковые записи той поры дают, пожалуй, первый пример самостоятельных оценок и суждений Ламанского. В фонде Ламанского отложились немногочисленные дневниковые заметки за разные годы. Точно не известно, вел ли он дневник на протяжении всей жизни или делал записи лишь от случая к случаю. Полнее всего в дневнике сохранились страницы, относящиеся к студенческим годам. В них хорошо видно отрицательное отношение молодого человека к правлению Николая I и самой его личности, к той фальшивой политике, которую вела Россия, игнорируя свои национальные потребности и интересы единоземников и единоверцев, и которая вредила самой же России. В начале войны,

Владимир Иванович Ламанский (1833–1914)

29 июня 1853 года, он отмечал, что Николай I «тяготил своим самовластьем, разорял казну и сам и своими слугами мешал нашему духовному развитию и наконец к довершению всего унизил Россию (...). Теперь Николаю надо забыть некоторые свои пристрастия, ему надо понять, что Русь сильна верою и народом, а не его нелепым самодержавием, что нам прилепляться в Европе ни к кому не надо и мазать и ласкать и тех и других, наша судьба прошлая иная, чем Западной Европы, начала тоже другие, для нас одинаково вредно связываться с социалистами республиканцами и с Свящ[енной] Р[имской] Импер[ией], и с Лудов[иком] Наполеоном, и с умеренными монархиями. Наша роль в Европе — внести новые начала, их навязать Западу, и воскресить их в племенах Славянских, онемеченных и отуреченных» (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 4). В цитате явно звучит славянофильское предпочтение народа государству. Более того, Ламанский однозначно критично высказывается и о самодержавии, противопоставляя ему исторические и политические интересы России, противоположные Западной Европе. Он считает, что не следует вмешиваться во внутриевропейские конфликты, а, напротив, надо заботиться

о своем внутреннем развитии: обеспечить свободу слова, поддерживать науку, освободить крестьян от крепостного рабства, развивать торговлю, внутреннюю администрацию и т. д. От войны он ожидает пробуждения и изменения русского общества и разрешения славянского вопроса в Европе. «Есть возмездие и Немезида в истории, она настала теперь для Славян», — пишет он (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 4 об.). Ламанский явно формулирует запрос на более трезвую, реалистичную политику, соответствующую национальным интересам страны, и запрос на справедливое решение славянского вопроса, то есть освобождения славян из-под власти турок, а в перспективе — и немцев. В таком ходе событий он готов видеть реализацию исторической закономерности или воли Провидения.

Крымская война возбудила у двадцатилетнего студента веру в историческое призвание славянства и признание ведущей роли русского народа. Дневник молодого человека показывает, как складывались в это время его панславистские убеждения. «Надо теперь, — отмечал он 20 мая 1853 года, — чтобы Русские почувствовали необходимость слиться со Славянами не материально, а духовно, чтобы поняли, что в этом слиянии только заключена возможность показать перед лицом Европы наши духовные силы, войти в общую жизнь человечества» (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 34–34 об.). Убеждение в духовном объединении славян Ламанский пронесет через всю жизнь. Его заветной мыслью станет проповедь русского языка как общего литературного, научного и дипломатического языка для всех славян. Недаром его университетский друг А. Н. Пыпин позже отнесет Ламанского к представителям литературного панславизма. Даже разочаровавшись в конце 1880-х годов в возможности объединения славян, Ламанский не отказался от идеи их языкового сближения, которое необходимо не русскому народу, имеющему свое государство и развитую литературу, а самим западным и южным славянам. В противном случае они подпадут под влияние более могущественных в культурном и политическом отношении соседей, что впоследствии приведет к ассимиляции и утрате народности. Война вселяла надежду на изменение настроений в России, на осознание русским обществом своего общеславянского предназначения. 17 июля 1853 года он писал: «Теперь Россия, если не зачала, то начнет скоро проявлять себя как Русское, Славянское государство, тогда и народность Русская начнет возвышаться и приобретать значение между Европейскими народами» (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 44 об. — 45). «Не знаю, может я ошибаюсь и жестоко ошибаюсь, — признавался он 28 сентября 1853 года, — но все мои убеждения коренятся на той вере, что пришел час Славян, что только Россия может восстановить их всех, и что только она, победительница, может обновить мир,

вскрыть те начала, которых она жаждет, и которых всего менее подозревает в нас Запад» (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 24).

В начале войны Ламанский еще сохранял веру в успешный для России ход военных действий: «...мы не можем оставить их в Черном море, позволить им бесчинствовать в Балтийском м[оре], русские должны побывать в Темзе и отплатить англичанам все их мерзости и нанести им тяжкий удар в Индии» (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 4 об.). Для этого, полагал он, необходим полководец, сопоставимый с А. В. Суворовым. Впрочем, реальный ход войны быстро развеял эти надежды. Уже 11 сентября 1853 года он записал в дневнике: «Неужели уж все мы славяне такое племя негодное для политического могущества? Неужели кара Божья постигнет нас за гордость Николая, за все его ошибки и черные дела? (...) Запад должен был пасть, а не мы. Не то еще бывало с Русью, а выходила же каждый раз с новыми силами. Николай опомниться, возьмется за ум (хоть и сильно поздно) и пойдет наперекор многим своим мечтам. Еще не умрет он, а убедиться, что неограниченное правление — нелепость противная разуму, нашей вере, нашей истории, что она может совершенно погубить Россию; он поймет, что дружба с Австриею, истекающая из того же начала, нам пагубна. Ему ясно представится, что торжество нашего дела принадлежит народному духу, народным силам, а не той пакостной форме, которая Европе кажется главным нашим отличием, которая, продлись еще дольше, многое могла бы если не истребить, то развратить» (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 22 об.). В военных неудачах Ламанский видит не столько промахи военных, сколько закономерный итог николаевского правления, принявшего форму полицейско-бюрократического государства, самодержавной власти, которая не учитывает нужды народа и страны. В бедствиях войны он даже готов видеть кару, постигшую Россию за грехи Николая I, за его гордыню и историческое самодовольство. В этом отношении Ламанский, возможно невольно, соглашался с Н. М. Карамзиным, считавшим, что личные качества правителя, его добродетели способны принести больше блага стране, чем, казалось бы, самые прогрессивные реформы. Николай I пренебрег народными началами жизни и тем самым ослабил государство перед лицом внешней угрозы. Казенно-бюрократическая система оказалась бессильна, неэффективна, как во внешней политике, так и в военном деле. Без опоры на народные силы государство не может развиваться и отвечать на внешние вызовы. Только преодоление внутренних пороков России (не только крепостного права, тормозящего экономическое развитие, но и самодержавия, то есть государства, отстраненного от народа) может привести ее к победе, в том числе и военной. «Но во всяком случае, — замечал Ламанский, — дерзко и бессмысленно желать нам

огромного успеха и победы теперь, т. е. победы решительной. Надо купить ее долгими страданиями, поражениями и спокойствием духа, полного упования и надежды на конечное торжество нашего дела. Запад еще слишком силен, чувствует слишком хорошо, что эта борьба на жизнь или смерть. Тяжелыми опытами, трудами вековыми приобрел он то, что теперь имеет. Он не легко свое отдаст. С другой стороны, и цель наша слишком далека, и последствия победы слишком громадны, слишком велики для России, чтобы она могла достичь ее, эту цель, в несколько месяцев. Надо, чтобы славяне соединились все вместе, стали бы за одного человека» (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 22 об.). Только преодоление внутренних неправд, возвращение к народным основам жизни и решение славянского вопроса приведут к тому, что Россия «займет место Запада», а славяне станут «вождями человечества».

Провиденциальные мотивы, которые звучат в дневниковых записях Ламанского, не являются пережитком религиозного мировоззрения. Они указывают на необходимость национального покаяния, предваряющего изменения в русском обществе. Для того чтобы добиться успеха в войне, надо отказаться и осудить грехи крепостного рабства и национального превосходства и тем самым пробудить русский народ к историческому служению, дать ему силы для борьбы за славянство. 28 сентября 1853 года он писал в своем дневнике: «Будет, что будет... Вот торжественная минута для России! Понимает ли она ее! Не слишком ли мы окунулись в грязь рабства? Достойны ли мы победы, но, с другой стороны, заслужил ли ее и Запад и неужели Николаевский кулак мог так унижить, так уронить нашу матушку Россию? Неужели победа русских над Западом не может совпасть с падением деспотизма и всех зол?» (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 24). Для Ламанского становится очевидно, что решение внешних задач России невозможно без ее внутренних преобразований, что успехи внешней политики могут быть только следствием внутреннего развития. Не случайно, рассуждая об этом, он обращается к метафоре сна, полагая, что настал час пробуждения, что военные неудачи должны всколыхнуть русское общество и показать всю лживость политики последних десятилетий и пагубность николаевского правления для России. «Мы спали, да в эти 40 лет, — пишет он. — Но не спит в нас любовь и братское чувство, жива в нас вера и молитва, они ворочают горами» (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 4 об.).

В дневнике звучат резкие оценки, которые лишь отчасти можно объяснить юношеским радикализмом. Ламанский был требователен и к себе, и к окружающим, в том числе к преподавателям, которые вели занятия. Двумя десятилетиями позже его университетский учитель И. И. Срезневский вспоминал, как один профессор «должен был усиленно приготовляться к лекции из-за ради

Ламанского, который тем менее записывал в свою тетрадку, чем менее нового необщедоступного сообщал с кафедры профессор» [Срезневский, 1874, с. 45]. К концу обучения в университете Ламанский, не скрывавший своего мнения о многих профессорах, испортил с ними отношения, что не позволило ему сразу остаться в университете для подготовки магистерской диссертации. Лишь в 1865 году, то есть спустя одиннадцать лет после окончания, он начал преподавать в нем славянскую филологию.

Упреки русской интеллигенции и правительству в отсутствии связи с народом следует отнести к аксиомам славянофильства. Ламанский, вероятно, еще менее знал жизнь народа, чем русские помещики или многие представители столичной интеллигенции. Он родился и вырос в Петербурге. В одном из писем признавался: «В Петербурге по преимуществу жизнь индивидуальная, и вместе с тем выглаженная, без всяких резких особенностей. Относительно же простого народа — нечего и говорить — здесь только одни чухны. А в русских мужиках столичных нет ничего интересного. Это народ уже испорченный столичною и фабричною жизнью. Вообще судить о народе по петербургскому мужику — глупо в высшей степени, точно также как составлять себе понятие о французск[ом] народе по парижскому блузнику, как это многие делают» (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 16–16 об.). Еще в студенческие годы он мечтал о путешествии по России, чтобы познакомиться со страной, населяющими ее народами и их образом жизни. Однако так и не смог осуществить свое намерение, поскольку ни в молодости, ни позднее не имел для этого достаточно средств. Уже в 1870-е годы, став семейным человеком, он купил дачу на Валдае, в г. Боровичи, чтобы хотя бы его дети получили представление о русском народе и его быте. В этом отношении Москва представлялась ему городом более органичным, сохраняющим присущий русским людям жизненный уклад и мировосприятие. 30 июня 1852 года Ламанский отмечал в письме гимназическому другу: «По-моему Петерб[ург] и Москва имеют теперь громадное значение в том отношении, что малейшая склонность к внутреннему значению одной из этих двух столиц — указывает на то или другое направление, на то или другое начало, которым следует в настоящее время всякий образованный (гармонически развитый) человек русский. Два направления, которые следует назвать — восточным и западным... Я же, как тебе хорошо известно, склоняюсь более к восточникам» (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 44 об.). Славянофилы, как известно, предпочитали называть себя «московским направлением» или «московским кружком», в противоположность «направлению петербургскому», то есть западническому. Тяготение Ламанского к Москве было обусловлено больше идеологическими причинами, чем привязанностью к древ-

ней столице. В студенческие годы он даже грезил о переезде в Москву, если его батюшка, выйдя в отставку, решит поселиться в первопрестольной. Этого не произошло. Ламанскому пришлось примириться с чиновным и военным Петербургом. Квартира его отца, в которой он жил в студенчестве, находилась в здании Главного штаба, то есть в самом центре столицы, буквально в двух шагах от Зимнего дворца. Окна квартиры выходили на набережную р. Мойки недалеко от Певческого моста. Ламанскому, казалось бы, было суждено стать чиновником. Отец настоял, чтобы после университета он поступил на службу в Губернское управление. Ламанский, получивший за свое выпускное исследование серебряную медаль, вышел из *alma mater* со степенью кандидата Санкт-Петербургского университета, что давало возможность начать службу с двенадцатого чина Табели о рангах, то есть коллежского секретаря. Однако в Губернском управлении он служил без жалования, вскоре перешел на службу в Публичную библиотеку, а затем — в Государственный архив. Работа в библиотеке и архиве давала возможность для научных занятий, хотя он формально и оставался чиновником Министерства народного просвещения. Возвращаться к чиновничьей рутине он уже не хотел. В конце жизни Ламанский признавался в письме И. В. Ягичу, что «ещё гимназистом часто мечтал о своём будущем и о будущем России, русской литературы и науки, и тогда уже решил, что чиновником не буду ни в коем случае» (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 9).

Подростком Ламанский застал жизнь Петербурга второй половины 1840-х годов и в некоторых своих статьях воспроизвел, отчасти по воспоминаниям, отчасти по рассказам старших братьев и коллег, атмосферу столицы той поры. Так, характеризуя петербургскую университетскую молодежь конца 1840-х годов, он писал в мемуаре об И. И. Срезневском, что она «в то время никакими вопросами о народности или родной старине не интересовалась, только разве глумилась над Москвитянином Погодина, а о Московской школе Хомякова, Киреевского и ее Сборниках (...) вторило лишь неблагоприятным отзывам Отечественных Записок и Современника» [Ламанский, 1880, с. 5]. Маргинальность славянофильства была особенно хорошо заметна в столице. Влияние славянофилов на русское общество было минимальным, в Петербурге оно едва только не переходило в ноль. Подростком Ламанский стал свидетелем гонений на славянофилов и украинофилов, к которым принадлежал его учитель И. И. Срезневский и которых современники не без оснований воспринимали в качестве южнорусского славянофильства. В той же работе об И. И. Срезневском он писал: «В апреле 1847 г. произошли аресты Костомарова, Шевченка, Белозерского, затем Кулиша, Чижова (1847), затем в марте 1849 г. Самарина, несколько позже и И. Аксакова. Славянское направление было найдено зло-

вредным» [Ламанский, 1880, с. 22]. Ламанский не случайно ставит в один ряд славянофилов и украинофилов, поскольку притеснения имели причину в идеологической близости их позиций, в подавлении николаевским режимом любых проявлений народности, не совпадающих с народностью известной уваровской триады. Общую характеристику этой эпохи Ламанский выразил фразой: «Темное и душное время».

Здесь же он описывал положение, сложившееся во II отделении (отделение русского языка и словесности) Академии наук, в котором заправляли И. И. Давыдов и Я. И. Бередников. «Первый, — писал он. — Старый ритор, профессор философии в Московском университете, потом директор Педагогического института в Петербурге, лицемер и пролаза, большой невежа в философии и составитель Академической грамматики. Самодовольный и чванный. Второй — Бередников, опытный начетник старых столбцов, невежественный и необразованный издатель летописей и актов и истребитель некоторых важных, но казавшихся опасными тогдашней Археографической Комиссии, документов, ей принадлежавших, был крайне груб и нахален в обращении» [Ламанский, 1880, с. 25]. Затхлая атмосфера и господство посредственностей не способствовали развитию науки. Но так было не везде. Положение в официальной Академии наук мало отличалось от чиновных кабинетов. Однако за их пределами ситуация менялась. Не случайно первая половина XIX века — это время философских кружков и салонов, принадлежавших почти исключительно Москве. В Москве, удаленной от столицы и бдительного начальства, было больше свободы, столь необходимой для творчества, в том числе философского. Кроме того, кафедра философии в Московском университете более двадцати лет оставалась вакантной. Славянофилам И. В. Киреевскому и К. С. Аксакову, в разные годы изъявлявшим желание ее занять, Министерство народного просвещения отказало. Философские кружки и салоны, таким образом, отвечали на существующий в обществе интерес к философии и давали то, чего были лишены консервативные университеты, — свободу мышления.

Первые шаги становления национальной культуры в России были сделаны в конце XVIII века. Однако ее плоды стали заметны только в XIX веке. Вопреки душной атмосфере николаевского царствования русская культура, повинувшись своим законам, вступала в золотой век. «К концу 30-х и началу 40-х годов, — писал Ламанский на исходе века в рецензии на “Историю русской этнографии” А. Н. Пыпина, — Россия бесповоротно вступает в области искусства на путь самобытный и национальный. Пушкин последнего периода (с 1824 и особенно с 1830–1831), Гоголь, юный Лермонтов в двух-трех прекрасных своих произведениях, Глинка — создают впервые (с баснями Крылова и комедиями

Грибоедова) высокие, могучие образы, чисто русского национального художества слова и звука. Великий труд Карамзина, благородная и просвещенная деятельность гр. Н. П. Румянцева, труды Востокова, Калайдовича, Тимковского, Строева, Кепшена, Надеждина, первые ученые труды Погодина, Горского, Неволлина, первых наших Славистов, основание и деятельность Археографической комиссии вместе с пробуждением западно-славянских народностей, особенно изыскания Добровского, Копитара, Шафарика, Палацкого, труды В. Караджича, новые научные направления в языкознании, в изучении древностей новой Европы, ее средневековой истории, литературы и церкви — произвели и подготовили в Русском общественном сознании и в лучших представителях молодых поколений новые, строгие запросы на всестороннее и глубокое изучение России, ее истории, церкви, народного быта, сродных ей народов Славянских, истории восточной церкви и империи, их отношений к западной церкви и империи. Явился неумолимый вопрос — для чего-же жила почти тысячу лет Россия? призвана ли она в истории к чему-нибудь великому и самобытному? есть ли в ней задатки самобытного просвещения? Или Русским по-прежнему нужно оставаться *дилетантами* западной науки и образованности?» [Ламанский, 1890, с. 226]. Примечательно, что в один ряд с высшими достижениями русской культуры Ламанский ставит и первые успехи славистики. Утверждение науки о славянах было для него признаком пробуждения народного самосознания, другой формой проявления которого было многообразное культурное творчество, в своих лучших образцах становящееся достоянием всего человечества. Вершиной русской национальной культуры Ламанский считал творчество А. С. Пушкина. В письме одному из самых близких своих друзей индологу И. П. Минаеву 1 марта 1887 года он писал: «Суворина издание Пушкина очень порядочное. Недели две перечитывал Пушкина. Томик писем особенно был интересен. Многие письма прочитаны были мною впервые. Прекрасной души был ч-к, благородный характер. И какой, Боже мой, русский. Читая его письма 30-х годов, особенно (...) по слогу и языку, по русскому чувству и смыслу их, начинаешь думать, что они писаны (...) в XVI–XVII в. Так писать и выражаться новые русские люди (с Петра) не умели» (РО ИРЛИ РАН. Ф. 340. Оп. 2. № 33. Л. 25).

* * *

Становление славянофильского мировоззрения Ламанского пришлось на первую половину 1850-х годов. В середине — второй половине 1850-х годов его взгляды во многом уже сложились. «Ламанский уже изначально, со второй половины 1850-х годов, — пишет С. В. Селиверстов, — обозначил себя противником имперской унификации и нивелирования славянских культур.

Возможное славянское единство в его понимании не отрицало, а наоборот, предполагало национально-культурное многообразие славянского мира (...). Ламанский не являлся сторонником объединения славянских народов в централизованно унифицированном государстве. Для него политическая форма — это “внешнее” объединение, отнюдь не решающее проблему многообразия и единства. Приоритет для него — не государственная консолидация в “петербургском” стиле, а “мирный дух панславизма”, благодаря которому отдельные народы смогут сохранить свою идентичность, осознавая, между тем, общие связи. То есть решение проблемы развития европейских славянских народов он видел во “внешнем разнообразии” и “внутреннем единстве” (а не наоборот)» [Селиверстов, 2021, с. 101]. Если, согласно историографической периодизации, Ламанский принадлежал ко второму поколению славянофильства, то в Петербурге его можно считать первым поколением славянофилов. «Раннее славянофильство», или «московский кружок», практически не затронуло столицу. Следующее поколение, так называемые поздние славянофилы, напротив, было связано с Петербургом. Позднее славянофильство начало формироваться в столице во второй половине 1860-х годов, когда основные деятели «московского кружка» уже ушли из жизни. Развивать идеи московских славянофилов было тем проще, что они фактически не оставили законченных формулировок; само славянофильское учение выглядело незавершенным, лишенным догматики. Отчасти это вызвано тем обстоятельством, что славянофилы были крайне ограничены в возможностях публиковать свои произведения, по этой причине и писали мало. Другая причина некоторой аморфности славянофильства состояла в том, что оно принадлежало к эпохе салонной и кружковой философии, преимущественно сконцентрированной в Москве. Кружковая философия была прежде всего философией устной, то есть находила выражение в дружеских беседах и салонных спорах. Можно предположить, что все самое главное у славянофилов было не написано, а сказано, но так и осталось достоянием аристократических гостиных или «говорильной комнаты» в доме А. С. Хомякова. Вероятно, в стихии живой беседы или дружеской полемики идеи славянофилов находили более четкие и определенные выражения, которые, к сожалению, мало отражались в их публикациях. Новое поколение славянофилов восприняло основные положения славянофильской программы, либеральной в своей основе, но в то же время их ход мысли принял во многом новое направление. Так, например, если ранние славянофилы рассматривали русскую культуру в качестве особой версии европейской (христианской), а саму Россию как часть Европы, то у поздних славянофилов на первый план выходит противопоставление России и Европы, их антагонистические отно-

шения. Отчасти это объясняется особенностями формирования взглядов поздних славянофилов. Если в основе мировоззрения московских славянофилов лежали чувства национальной гордости и патриотизма, вызванные победой России в войне с Наполеоном, то историческим фактом, генерирующим мировоззрение поздних славянофилов, стало поражение в Крымской войне, ясно продемонстрировавшее антирусское, а не антитурецкое единство Европы. Дневник Ламанского показывает, как размышления молодого человека о ходе Крымской войны перерастали в славянофильскую рефлексию о судьбе России и ее славянском предназначении.

Ламанский лишь отчасти мог быть знаком с опытом кружковой философии, вообще в Петербурге слабо представленной. Его старшие братья, Порфирий и Евгений, посещали собрания у М. В. Буташевича-Петрашевского. Их рассказы и круг общения, в который входил, в частности, Н. Я. Данилевский, могли оказать определенное влияние на младшего брата, поступившего в университет через год после разгрома кружка петрашевцев. Ламанский упоминал о запретах и гонениях, усилившихся в последние годы николаевского царствования, и сам был свидетелем этих событий. Не только следствие по делу петрашевцев, но и запрет на преподавание философии в 1850 году коснулись его непосредственно. Однако решающее влияние на становление мировоззрения Ламанского и славянофилов его поколения оказали не столько репрессии последних лет правления Николая I, сколько последовавшие за ними либеральные реформы начала царствования Александра II, в которых они увидели попытку хотя бы отчасти реализовать славянофильскую программу. «Начало активной научной и общественной деятельности В. И. Ламанского, — констатирует О. В. Саприкина, — совпало с ослаблением консерватизма и проявлением либеральных тенденций в первый период царствования Александра II, с усилением политической заинтересованности Российской империи во взаимоотношениях с зарубежными славянскими народами; эти обстоятельства определили не только направление деятельности учёного, но и сущность его теоретических построений, сосредоточенных на размышлениях о современном состоянии и дальнейшей судьбе “славянской цивилизации”» [Саприкина, 2014, с. 278]. Не случайно славянофилы были не только инициаторами, но и деятельными участниками крестьянской реформы. Новая генерация славянофилов принадлежала по большей части уже к другой социальной группе. Это было беспоместное дворянство, единственным источником дохода для которого оставалась служба. Опять же, в отличие от ранних славянофилов их наследники не были дилетантами, а служили в университете и Академии наук, опираясь в своих профессиональных исследованиях на идеи славянофилов.

Непосредственно для Ламанского решающим фактором, определившим его славянофильскую ориентацию, стали славянская история и филология. Он полагал, что славист не может не быть славянолюбом. Знание реального положения славянства позволило ему отказаться от ряда славянофильских иллюзий и более трезво оценивать историю и современные политические процессы в России и славянском мире. Он был свидетелем национального возрождения у западных славян, был хорошо знаком со славянской интеллигенцией и полагал, что достижения национальной культуры являются следствием становления национального сознания, одним из важных показателей которого является рост интереса к другим славянам.

Славяноведческие исследования самого Ламанского принадлежали еще к романтической эпохе. Его взгляды на язык и народность опирались на достижения немецкой науки, в частности В. фон Гумбольдта, как и в целом славянофильские представления о языке (см.: [Куприянов, 2016; Безлепкин, 2023]). В его работах заметны отголоски органической методологии, полнее реализованной в работах Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева (см.: [Смирнов, 2023]). Усвоение этого круга идей также пришлось на студенческие годы. Крымская война была скорее внешним фоном, на котором формировались взгляды Ламанского. Однако трагические события войны, чувство национального унижения и осознание несправедливости происходящего связывали научные интересы молодого ученого с политикой, заставляли преодолеть узость кабинетного кругозора. Отличительной чертой последующего творчества Ламанского стала связь науки с жизнью, когда научные исследования переходили в актуальную публицистику. Как пишет Е. Е. Михайлова: «...критическое осмысление исторического прошлого своей страны заставляет Ламанского как мыслителя балансировать на грани научной рефлексии и практической жизненной позиции» [Михайлова, 2022, с. 420]. Его часто за это критиковали. Однако широкий взгляд на текущие события, хорошее знание истории, опора на источники в совокупности позволили Ламанскому сказать свое слово в науке. Правда, такой наукой уже стала философия истории или даже геополитика, а не родное ему славяноведение. Не случайно в последнее время о Ламанском больше пишут не филологи, а философы и политологи.

Список источников

Безлепкин Н. И. Славянофильское учение о языке и немецкая наука и философия // Философский полилог. 2023. № 1. С. 37–50.
URL: <https://doi.org/10.31119/phlog.2023.1.188> (дата обращения: 15.06.2024).

Волкова Е. А. В. И. Ламанский и его ученики // *Философский полилог*. 2022. № 2. С. 61–72. URL: <https://doi.org/10.31119/phlog.2022.2.178> (дата обращения: 15.06.2024).

Куприянов В. А. Структура Европы в философско-историческом учении В. И. Ламанского // *Вече*. 2016. № 28. С. 215–222.

Ламанский В. И. Измаил Иванович Срезневский (1812–1880). М.: В синодальной типографии, 1880. 41 с.

Ламанский В. И. [рец.] Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. II. Общий обзор изучения народности и этнография великорусская. СПб., 1891. IV + 428 стр. // *Живая старина*. 1890. Вып. II. С. 218–233.

Михайлова Е. Е. Диалог культур Запада и Востока в рецепции петербургского мыслителя рубежа XIX–XX веков В. И. Ламанского // *Диалог со временем*. 2022. № 78. С. 418–426.

Саприкина О. В. Историческое развитие славянских народов в информационном дискурсе российской славистики второй половины XIX в. // *Люди и тексты*. Исторический альманах. 2014. № 5. С. 272–291.

Селиверстов С. В. «Истинный славизм» раннего В. И. Ламанского и полемика с позицией А. С. Пушкина (конец 1850-х годов) // *Славяноведение*. 2021. № 3. С. 94–103. doi:10.31857/S0869544X0015005-8.

Срезневский И. И. Записка об ученых трудах профессора В. И. Ламанского // *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1872 — 1873 академического года с приложениями*. № 8. СПб.: В типографии В. Безобразова, 1874. 113 с.

Смирнов В. Н. Метафора органического в славянофильстве // *Философский полилог*. 2023. № 1. С. 23–35. URL: <https://doi.org/10.31119/phlog.2023.1.187> (дата обращения: 15.06.2024).

Архивы

РО ИРЛИ РАН — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН.

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива РАН.

References

Bezlepkin, N. I. (2023) “Slavyanofil'skoe uchenie o yazyke i nemetskaya nauka i filosofiya” [“The Slavophile Doctrine of Language and German Science and Philosophy”], *Filosofskij Polilog [Philosophical Polylogue]*, 1, pp. 37–50.

Available at: <https://doi.org/10.31119/phlog.2023.1.188> (Accessed: 15 June 2024).

Volkova, E. A. (2022) “V. I. Lamanskij i ego ucheniki” [“V. I. Lamansky and his Students”], *Filosofskij Polilog* [*Philosophical Polylogue*], 2, pp. 61–72.

Available at: <https://doi.org/10.31119/phlog.2022.2.178> (Accessed: 15 June 2024).

Kupriyanov, V. A. (2016) “Struktura Evropy v filosofsko-istoricheskom uchenii V. I. Lamanskogo” [“The Structure of Europe in the Philosophical and Historical Teaching of V. I. Lamansky”], *Veche* [*Veche*], 28, pp. 215–222.

Lamanskij, V. I. (1880) *Izmail Ivanovich Sreznevskij (1812–1880)* [*Izmail Ivanovich Sreznevsky (1812–1880)*]. Moscow: In synodal printing house.

Lamanskij, V. I. (1890) “[recz.] Pypin A. N. Istoriya russkoi etnografii. T. II. Obshchii obzor izucheniya narodnosti i etnografiya velikorusskaya. SPb., 1891. IV + 428 str.” [“[rez.] Pipin A. P. Istoriya Russkoy Ethnografii. T. II. General Review of the Study of the Nationality and the Ethnography of Great Russian. SPb., 1891. IV + 428 pp.”], *Zhivaya Starina* [*Living Antiquity*], II, pp. 218–233.

Mixajlova, E. E. (2022) “Dialog kul'tur Zapada i Vostoka v retseptsii peterburgskogo myslitelya rubezha XIX–XX vekov V. I. Lamanskogo” [“Dialogue of Cultures of the West and the East in the Reception of the Petersburg Thinker of the Turn of the 19–20th Centuries V. I. Lamansky”], *Dialog so Vremenem* [*Dialogue with Time*], 78, pp. 418–426.

Saprikina, O. V. (2014) “Istoricheskoe razvitie slavyanskikh narodov v informatsionnom diskurse rossiiskoi slavistiki vtoroi poloviny XIX v.” [“Historical Development of the Slavic Peoples in the Information Discourse of Russian Slavistics of the Second Half of the 19th Century”], *Lyudi i teksty. Istoricheskii al'manakh* [*People and Texts. Historical Almanac*], 5, pp. 272–291.

Seliverstov, S. V. (2021) “‘Istinniye slavizm’ rannego V. I. Lamanskogo i polemika s pozitsiei A. S. Pushkina (konets 1850-kh godov)” [“‘True Slavism’ of early V. I. Lamansky and Polemics with the Position of A. S. Pushkin (late 1850s)”], *Slavyanovedenie* [*Slavic Studies*], 3, pp. 94–103. doi:10.31857/S0869544X0015005-8.

Sreznevskij, I. I. (1874) “Zapiska ob uchenykh trudakh professora V. I. Lamanskogo” [“Note on the Scholarly Works of Professor V. I. Lamansky”], *Protokoly zasedanii Soveta Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za vtoruyu polovinu 1872 — 1873 akademicheskogo goda s prilozheniyami* [*Protocols of the Meetings of the Council of the Imperial St. Petersburg University for the Second Half of the Academic year 1872 — 1873 with Appendices*], 8. St. Petersburg: V tipografii V. Bezobrazova.

Smirnov, V. N. (2023) “Metafora organicheskogo v slavyanofil'stve” [“The Metaphor of the Organic in Slavophilism”], *Filosofskij Polilog* [*Philosophical Polylogue*], 1, pp. 23–35. Available at: <https://doi.org/10.31119/phlog.2023.1.187> (Accessed: 15 June 2024).

Информация об авторе: Алексей Валерьевич Малинов — доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9; ведущий научный сотрудник сектора истории российской социологии Социологического института РАН — филиала Федерального Научно-исследовательского социологического центра РАН (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН). Адрес: Российская Федерация, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Information about the author: Alexei V. Malinov — DSc in Philosophy, Professor of the Department of Russian Philosophy and Culture, St. Petersburg State University. Address: 7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; Leading Researcher at the Sector of the History of Russian Sociology of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 25/14 7th Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg, 190005, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.06.2024;
одобрена после рецензирования 01.12.2024;
принята к публикации 10.12.2024.

The article was submitted 20.06.2024;
approved after reviewing 01.12.2024;
accepted for publication 10.12.2024.